

КЛАССИКА И СОВРЕМЕННОСТЬ

Э.Г. ШЕСТАКОВА
(г. Донецк, Украина)

УДК 82-95
ББК Ч426.83

«ПУШКИНСКОЕ» И «ЛЕРМОНТОВСКОЕ» В МОТИВЕ *РУССКИЙ ЧЕЛОВЕК НА RENDEZ-VOUS*: НЕУСЛЫШАННЫЕ ИДЕИ РУССКОЙ КРИТИКИ И УПУЩЕННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

Аннотация. В статье речь идёт о необходимости исследования словесно-культурных напластований в мотиве *русский человек на rendez-vous* в контексте проблемы творческой памяти. Доказывается важность и правомерность равнозначного соотношения в ведущем национально-культурном мотиве русской словесности «пушкинского» и «лермонтовского» начал. Обосновывается, что преобладание в критике и литературоведении актуализации мотива *русский человек на rendez-vous* традиционно принятым онегинским сюжетом и типом героя приводит к сужению, а также художественно-поэтической, общественно-культурной и эстетической локализации сложного, объёмного, полисемантического и поливероятностного уже в своих субстанциальных основах явления.

Ключевые слова: мотив, словесно-культурный процесс, художественное произведение, творческая память.

Статья является логическим продолжением давно интересующей автора проблемы: специфика собственно литературного и общественно-литературного становления, восприятия, осмысления, а также основных тенденций развития одного из национально значимых словесно-культурных мотивов *русский человек на rendez-vous*, получившего свое определение по знаковой статье Н. Чернышевского, посвященной повести И. Тургенева «Ася»¹.

¹ Шестакова Э.Г. Логика каприза (на материале малой русской и украинской прозы рубежа XIX–XX столетий) // Русская литература. Исследования. – Киев, 2005. – Вып. VII. – С. 216–234. Шестакова Э.Г. Культурная многослойность соблазна в рассказе Ф. Сологуба «Красногубая гостья» // Литература в контексті культури. – Вип. 14. – Дніпропетровськ, 2005. – С. 354–364. Шестакова Э.Г. Аксиологические основания каприза в художественном мире Н. Гумилева (на материале прозаических произведений) // Серебряный век: диалог культур. – Одесса, 2007. С. 322–330. Шестакова Э.Г.

Словесно-культурная судьба мотива *русский человек на rendez-vous* представляется довольно интересной и показательной, прежде всего, с точки зрения пересечения двух интенций: внутреннего движения, самоосуществления словесно-культурного процесса и развития ценностных ориентаций русской словесности, немислимой без её прочной связи с общественно-культурными умонастроениями. Исследование словесно-культурной судьбы этого мотива одновременно помогает увидеть сложность, масштабность, объёмность, многовекторность его природы и развития, а также указывает на некую изначальную, принципиальную и субстанциально значимую парадоксальность этого странного и поливероятностного в восприятии и осуществлении мотива. Это с одной стороны. С другой стороны, обусловленной таким ключевым для современного литературоведения понятием, которое С. Бочаров определил как *генетическая память литературы*, М. Бахтин как *культурно-историческая «телепатия»*, В. Топоров как *резонантное пространство литературы*², исследование зарождения, семантического, поэтологического, эстетического содержания, объёма, границ, принципов, механизмов и тенденций взаимодействия различных смысловых напластований в мотиве *русский человек на rendez-vous* перспективно в плане изучения сущности творческой памяти. С. Бочаров в одной из последних книг, в главе озаглавленной предельно чётко, концептуально и филологически проблемно «Творческая память. О кровеносной системе литературы и её генетической памяти» написал: «Длинные, долгоиграющие сюжеты нашей словесности – не строятся, а рождаются. Они рождаются от беременностей, проистекающих в лоне творческой памяти»³. На сегодняшний день, безуслов-

Развитие мотива *русский человек на rendez-vous* в рассказе И.А. Бунина «Мордовский сарафан» // Поэтика и риторика диалога: сб. науч. ст. (к 60-летию проф. Т.Е. Автухович) / ГрГУ им. Янки Купалы. – Гродно, 2011. С. 299–313. Шестакова Э.Г. Развитие мотива русский человек на rendez-vous в малой прозе Серебряного века // Серебряный век: диалог культур. Сборник научных статей по материалам III Международной конференции, посвященной памяти профессора С.П. Ильёва. – Одесса: Астропринт, 2012. С. 428–446. Шестакова Э.Г. Особенности формирования мотива русский человек на rendez-vous в русской критике второй половины XIX столетия // Русистика: сборник научных трудов. Выпуск 12. – К.: ВПЦ «Київський університет», 2012. С. 54–66. Электронный ресурс [Режим доступа] <http://uapryal.com.ua/wp-content/uploads/2013/01/RUSISTIKA-12.pdf>. Шестакова Э.Г. К.Д. Бальмонт и И.С. Тургенев: возможность диалога на территории прозы // Вісник Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна. – 2012. – № 1014. – Серія: Філологія. – Вип. 65. – С. 237–253. Электронный ресурс [Режим доступа] http://archive.nbuv.gov.ua/portal/natural/vkhnu/Filol/2012_1014/content/shestakova.pdf.

² Бочаров С.Г. Генетическая память литературы. – М.: РГГУ, 2012. С. 7–54.

³ Там же. С. 27

но, то, что мотив *русский человек на rendez-vous* относится к таким долгоиграющим явлениям русской словесности. Однако до сих пор, фактически, остаётся не выясненной собственно словесно-культурная природа, а также истоки, толща смыслов, напластований, ценностных составляющих этого уникального явления русской словесности и культуры. Более того, не исследованы его основа, принципы развития и даже не поставлен вопрос о том, чтобы проследить хотя бы в первичном приближении сложное, поливекторное, часто сюрпризное развитие этого мотива.

Как хорошо известно, мотив *русский человек на rendez-vous* сразу же по выходе повести был определён и оформлен как собственно русское словесно-культурное при этом еще и знаковое национально-культурное явление. Произошло это через ряд критических статей, начиная от хрестоматийно известных работ второй половины XIX века Н. Чернышевского «Русский человек на rendez-vous. Размышления по прочтении повести г. Тургенева «Ася»», П. Анненкова «Литературный тип слабого человека. По поводу тургеневской «Аси»», А. Герцена «Лишние люди и желчевники» до журнальной эссеистики и критики рубежа XX–XXI ст., для которых этот мотив превратился в некое устойчивое, апостериори принимаемое символическое явление, во многом объясняющее не только особенности русской словесности, но и специфику русского характера и судьбы в целом⁴.

Литературоведение, как и критика, тоже часто и целенаправленно обращалось к явлению *русский человек на rendez-vous*. При этом и литературоведение, так же изначально, как и критика, восприняло и артикулировало это явление в качестве многозначной и поливекторной доминанты русского словесно-культурного пространства и процесса.

⁴ Толстая Т. Русский человек на randеву // Знамя. – 1998 – № 6. Электронный ресурс [Режим доступа] <http://magazines.russ.ru/znamia/1998/6/tolst.html>. Калинин И. Книга о Родине, или Русский человек на rendez-vous. Ирина Сандомирская. Книга о Родине. Опыт анализа дискурсивных практик. – Wien: Wiener Slavistischer Almanach, 2001. – Sonderband 50. – 281 с. // Новая Русская Книга. – 2001. – № 1. Электронный ресурс [Режим доступа] <http://www.guelman.ru/slava/nrk/nrk7/3.html>. Лебедушкина О. Роман с немцем, или Русский человек на rendez-vous с Западом // Дружба народов. – 2001. – № 9. Электронный ресурс [Режим доступа] <http://magazines.russ.ru/druzha/2001/9/lebed.html>. Мокроусов А. Русский человек на randеву. Отцы и дети: Поколенческий анализ современной России / под ред. Ю. Левады и Т. Шанина. – М.: Новое литературное обозрение, 2005. Библиотека журнала “Неприкосновенный запас”. – 328 с. // Индекс/Досье на цензуру. – 23/2006. Электронный ресурс [Режим доступа] <http://index.org.ru/journal/23/mokr23.html>. Алтатова И. Русский человек на randеву // Культурная эволюция. Электронный ресурс [Режим доступа] <http://yarcenter.ru/content/view/45269/164/>.

Это словесно-культурное явление, постепенно и последовательно осмысленное литературоведением как серьёзное, сложное, сильное, многоаспектное, способное к активному саморазвитию, рассматривается с нескольких ставших уже ведущими позиций. Прежде всего, как репрезентант особого типа героя, характерного для своей эпохи и среды, для которого необходимо различать развитие «*общественно-психологического*» и «*обыденно-художественного образа*»⁵. Такой подход и характеристику развития онегинского типа героя, ставшего «*родоначальником лишних людей*»⁶, предложил Д.Н. Овсяннико-Куликовский в работе «История русской интеллигенции» (1910–1911), уважительно придерживаясь традиций отечественной критики. К этому типу героев, тоже следуя заложенной традиции, относится и герой тургеневской «Аси». Аналогично в контексте общественно-культурных умонастроений и их отображения в художественной литературе и журнальной полемике рассматривают *русского человека на rendez-vous* известные советские литературоведы Л.М. Лотман⁷ и П. Рейфман⁸. В их работах, продолжающих развивать идеи, представления русской критики и русской классической филологии, исследуется литературный, точнее, общественно-литературный контекст и основные типы героев, непосредственно связанные с идеей *русский человек на rendez-vous*: онегинский герой и предопределённый уже им ряд специфических словесно-культурных типов, образов и ведущих литературных моделей, конфликтов. Это линия героев, являющаяся одной из самых разработанных русской классической художественной словесностью и журнальной критикой: слабый человек, лишний человек, маленький человек, гамлетизм, донкихотство, пустой человек, новые люди. Именно это направление будет превалировать в исследованиях и советского литературоведения, стремившегося рассмотреть явление *русский человек на rendez-vous* именно как общественно-литературное и, прежде всего, исторически обусловленное.

Естественно, что *русский человек на rendez-vous* исследуется и с позиции превалирования собственно поэтики, вне её активного и целенаправленного, последовательного выхода в общественно-

⁵ Овсяннико-Куликовский Д.Н. Литературно-критические работы: в 2 т. – М.: Худож. лит., 1989. Т. 2. С. 77, 81.

⁶ Там же. С. 77.

⁷ Лотман Л.М. Реализм русской литературы 60-х годов XIX века (Истоки и эстетическое своеобразие). – Л.: Наука, 1974. Электронный ресурс [Режим доступа] <http://www.lotman.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=5848>.

⁸ Рейфман П. «Новый человек» на *rendez-vous*: (роман И.С. Тургенева “Накануне”) // Тр. по рус. и славян. филологии. Литературоведение. – Тарту, 1998. – № 1. – С. 124–145.

культурный и исторический контексты. Здесь преобладает анализ мотивно-сюжетной организации и коллизии этого странного поэтического явления. В связи с этим необходимо вспомнить статьи 20–30 гг. XX в. Л. Пумпянского, который, анализируя новеллистику, т.е. повести и рассказы, Тургенева, тонко подметил и философские и литературные истоки *русского человека на rendez-vous*, указав на неоднозначное, сложное соотношение с немецкой, шопенгауэровской, традицией и одновременно с онегинским сюжетом и героем⁹. В середине XX ст. Ю. Лотман в спецкурсе по роману «Евгений Онегин» обосновано, хотя недостаточно четко, но всё же определил ситуацию *русский человек на rendez-vous* как проявление влияния и последующего развития *онегинского сюжета*¹⁰. С поэтикой сюжета, жанра и конфликта связывал, как и Ю. Лотман, именно ситуацию *русский человек на rendez-vous* и Н. Тамарченко, отмечая её жанрообразующие и жанроопределяющие свойства: «Изображенное в повести событие – лишь частный случай и даже *пример*, одно из возможных и *повторяющихся* проявлений *неизменных* условий человеческого бытия. Иначе говоря, авторы извлекают это событие из принципиально открытого исторического становления мира, переводя его в циклическое время преданий, воспоминаний и моральных уроков. В романе, напротив, акцентируется *своеобразие* главного события, которое связано с особой *исторической ситуацией*. Отсюда, например, совершенно различные трактовки поведения «русского человека на rendez-vous» в «Асе» и в «Рудине»...» (курсив автора – Э.Ш.)¹¹. С поэтикой любовной тематики, конфликта, ситуаций и героев непосредственно связывают мотив *русский человек на rendez-vous* на рубеже XX–XXI ст., который всё больше приобретает черты *основного мифа русской литературы*, по выражению А. Макушинско-го¹². Преобладающее большинство исследователей сосредоточивается

⁹ Пумпянский Л.В. Статьи о Тургеневе (1929–1930). Тургенев – новеллист // Пумпянский Л.В. Классическая традиция: Собрание трудов по истории русской литературы. – М., 2000. С. 427–448.

¹⁰ Лотман Ю. Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Спецкурс. Вводные лекции в изучение текста. Памяти Бориса Викторовича Томашевского. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Literat/Lotm_Pusch/index.php.

¹¹ Тамарченко Н.Д. Русская повесть Серебряного века. (Проблемы поэтики сюжета и жанра). – М.: Intrada, 2007. С. 22.

¹² Макушинский А. Отвергнутый жених, или Основной миф русской литературы XIX века // Вопросы философии. – 2003. – № 7. – С. 35–43. – 480 с. Ребель Г. «...У счастья нет завтрашнего дня» (Пушкинские традиции в повести И.С. Тургенева «Ася») // Филолог. – 2005. – № 7. – С. 49–62. Ребель Г.М. Герои и жанровые формы романов Тургенева и Достоевского (Типологические явления русской литературы XIX века):

на странности поведения героя на любовном свидании и упорно повторяющейся в русской литературе странности самих любовных отношений героев и моделей их свиданий. При этом надо отметить, что для литературоведения начала XXI в. характерно усиливающееся дистанцирование от общественно-культурного и общественно-литературного видения *русского человека на rendez-vous* и, следовательно, развиваемых стратегий его исследования. Происходит это в противовес углубляющемуся стремлению анализировать поэтологические и философско-религиозные традиции, реминисценции этого мотива, «сюжетной ситуации, лежащей в основе любовного конфликта»¹³ в русской словесности¹⁴.

И, наконец, необходимо отметить, что подобного рода коллизию общественно-художественного и собственно поэтического в концепции явления *русский человек на rendez-vous*, которая то приобретала крайне полемический характер, то предпочитала развивать параллельно эти две своих константных составляющих, в начале XXI ст. чётко сформулировал А. Бартов в эссе «Кто вы, классики русской литературы, творцы или проповедники?». Размышляя о том, почему у русских классиков над всеми вечными проблемами, включая любовные и эстетические переживания, превалирует идея морали, религии, общественной позиции, А. Бартов замечает по поводу тургеневских повестей: «Создается впечатление, что все любовные чувственные мотивации творчества Тургенева специально полностью не раскрываются в его произведениях. Тут проявляется тургеневский европеизм, или, лучше сказать, высокая его культурность. Тургенев в своих легких повестях набрасывает покров на бездну. Культура и есть такой покров. И не надо торопиться его срывать, дабы обнажить бездны бытия, углубить

Автореф... д. филолог. н. – Ижевск, 2007. – 47 с. *Мурзак И.И., Ястребов А.Л.* У ваших ног я признаюсь! Сюжет объяснения в любви в русском романе. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.apropospage.ru/index.html>. Оригинал статьи находится на сайте <http://www.gramota.ru/>. *Дмитриева Е.* Русский человек на rendez-vous (усадебная любовь и ее литературное моделирование) // Солнечное сплетение. – № 16-17: [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.plexus.org.il/texts/dmitrieva_russ.html. *Воловой Г.* «Ася» И.В. Тургенева – тайна повести. Анализ зашифрованного текста. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://samlib.ru/t/turgenewa/>.

¹³ *Живолупова Н.В.* Художественная антропология Ф.М. Достоевского в творчестве А.П. Чехова: любовный конфликт как проблема греха и прощения // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2004. – № 11. – С. 14–20. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.osu.ru/doc/1026/author/1409/lang/0>.

¹⁴ См., например, *Литовченко М.В.* Пушкинская традиция в прозе А.П. Чехова: Автореф... к. филолог. н. – Кемерово, 2007. – 23 с. *Рогинская О.О.* Эпистолярный роман: поэтика жанра и его трансформация в русской литературе: Автореф... к. филолог. н. – М, 2002. – 23 с.

понимание оных. Никому это ничего не даст, бытийная трагедия неизбежна. По-настоящему культурный писатель и не будет таких тем касаться»¹⁵. Для А. Бартова очевидно, что идея, идейность художественной литературы и её поэтическое начало могут не дать в полной мере развиваться гениальности русского художника (и тому примеры И. Тургенев, Л. Толстой, Ф. Достоевский) и увести от собственно творческого процесса в пространство культуры.

Однако наиболее последовательно, профессионально обосновано эти противоречивые литературоведческие тенденции толкования явления *русский человек на rendez-vous* в определённой мере получили своеобразное примирение в работе В. Тюпы «Литература и ментальность». В. Тюпа рассматривает традиционную линию онегинского типа героев, возводя её к Чацкому, в контексте идеи уединённого сознания. В частности, он пишет о том, что «главный парадокс уединённого сознания – его внутренняя неуединенность. <...> Не менее существенный (но парадоксально противоположный только что сформулированному) парадокс этой ментальности состоит в том, что для уединённого сознания непостижима уединенность другого сознания. <...> Новая ментальность, определявшая в XIX веке бытие и развитие западноевропейской (т.н. буржуазной) культуры, в условиях России предстает не как духовная доминанта эпохи, а как *проблема* уединённого сознания (наполеонизма, байронизма, революционного утопизма, «подпольности» существования вне уз «братства» и т.п.). Статус ключевой проблемы духовных исканий в формах художественного письма внутренняя уединенность личности приобретает уже у зачинателя русской классической литературы Пушкина» (курсив автора – Э.Ш.)¹⁶. И немного дальше, предлагая своё видение специфики русского словесно-культурного процесса, В. Тюпа непосредственно касается «Аси»: «В тургеневском элегизме «я» не растворимо в этой «божеско-всемирной» стихии жизни. Здесь этому своего рода «осадку» человеческой субъективности на гранях природного бытия в качестве достойной позиции остается лишь квазитрагическая позиция самоотречения: «Что осталось от меня, от тех блаженных и тревожных дней, от тех крылатых надежд и стремлений? Так легкое испарение ничтожной травки переживает все радости и все горести человека – переживает самого человека» (финал «Аси»). Уединенное сознание тургеневского

¹⁵ Бартов А. Кто вы, классики русской литературы, творцы или проповедники? // Нева. – 2005. – № 10. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/neva/2005/10/ba11.html>.

¹⁶ Тюпа В.И. Литература и ментальность. – М.: Вест-Консалтинг, 2008. С. 50

героя перестает быть романтической апологией собственного «я», не переставая быть уединенным сознанием, воспринимающим свою уединенность как покинутость. (Ср. у Тютчева: «И мы, в борьбе, природой целой / Покинуты на нас самих»)»¹⁷. Для В. Тюпы ведущим при разговоре об онегинском типе героя и его дальнейшей трансформации в художественной литературе оказывается собственно литературно-художественный, точнее даже так, философско-литературный фактор: особенность эстетического сознания, нашедшие воплощение в ткани произведения и художественном мире, национальном литературном процессе в целом. При этом мотив *русский человек на rendez-vous*, хотя и трактуется в контексте стратегий классической русской литературы, т.е. сугубо поэтических принципов, но актуализируется ментальными основаниями русской культуры. В результате чего именно онегинский тип героя становится доминирующей и развивающейся содержательной формой воплощения уединённого, самоценного, автономного человеческого сознания, я, которые находят воплощение в различных героях (в том числе и тургеневских) и в различных ценностных моделях поведения и самоосуществления (естественно, и в ситуации *русский человек на rendez-vous*).

Таким образом, в мотиве *русский человек на rendez-vous* изначально, константно и, фактически, априори и критикой, и литературоведением, представляющими порой диаметрально противоположные идейные позиции, различные методологические подходы, выделяются, сохраняются и настойчиво повторяются в качестве неизменных субстанциальных основ две: онегинское начало и его тургеневская оформленность. Они, хотя и претерпевают различные словесно-культурные трансформации, приобретают разнообразные ценностные формы воплощения, но являются константой. С одной стороны, эти утверждения безусловны и апостериори многократно доказаны и непосредственно самим русским словесно-культурным процессом, и профессионально ответственными, аргументированными критическими и литературоведческими изысканиями. Однако, с другой стороны, всё же возникают вопросы, которые можно сформулировать следующим образом. Насколько правомерно трактовать явление *русский человек на rendez-vous* только в контексте онегинского начала и предопределённого им типа, или как ещё писала русская критика, галереи различных родственных образов героев, которые, по сути, однонаправлены в своём развитии? Не есть ли это сужение и художественно-поэтическая, общественно-культурная и эстетическая локализация сложного, объ-

¹⁷ Тюпа В.И. Литература и ментальность. – М.: Вест-Консалтинг, 2008. С. 57–58.

ёмного, полисемантического и поливероятностного уже в своих субстанциальных основах явления? Что упускается из виду при таком изначально «онегинскицентричном» подходе к явлению, обнаружившему свою стержневую, можно сказать, конституциональную роль для русского словесно-культурного процесса, характеризующего не только его классический, но и неклассический периоды? И что не может быть увидено при таком довлеющем «онегински ориентированном» подходе к мотиву *русский человек на rendez-vous*?

Для того чтобы обозначить основные направления ответов на эти вопросы, как представляется, необходимо вспомнить и ответственным образом учесть две идеи, которые были высказаны в русской критике, но, фактически, не услышаны литературоведением в том вопросе, который касается непосредственно мотива *русский человек на rendez-vous* и его субстанциальных оснований. Тех оснований, которые предопределили и некую изначальную, значимую и неустранимую художественно-психологическую, поэтическую, культурную насыщенность, поливероятность, даже странность этого мотива, и противоречивые, пожалуй, можно сказать лабиринтообразные логику и тенденции его последующего восприятия и развития. Эти две идеи касаются определяющих для русской словесности и культуры начал: «пушкинского» и «лермонтовского», взаимодействие которых на территории мотива *русский человек на rendez-vous*, безусловно, признаётся, но не исследуется. Скорее, можно говорить о констатации значимости словесно-культурных авторитетов, нежели о действительном желании литературоведения «услышать» русскую критическую мысль, проследить и обозначить сложное, иногда крайне запутанное, порой дивным образом сближающее, а временами и диаметрально непримиримое взаимодействие, сосуществование, со-осуществление этих двух начал в этом мотиве. При этом сложное изначальное взаимодействие «пушкинского» и «лермонтовского» в мотиве *русский человек на rendez-vous*, основанное на их равноправном и равноценном участии в образовании и осуществлении этого явления, даёт ему витальные силы и возможности для постоянного саморазвития. Более того, это взаимодействие тоже изначальное предопределяет общую национально-культурную значимость и судьбу мотива *русский человек на rendez-vous*. Так вот, эти две идеи, настойчиво повторяющиеся в критике, но по сути так и не воспринятые литературоведением, касаются, в первую очередь, особенностей взаимосвязи тургеневского мира с предыдущими ключевыми явлениями русского словесно-культурного процесса: «пушкинским» и «лермонтовским» началами как равнозначными и самостоятельными в формировании и осуществлении мотива *русский*

человек на *rendez-vous* в качестве ценностного репрезентанта национально-культурного самосознания.

Во-первых, это взаимосвязь тургеневского героя уже из его раннего и малоизвестного лирического произведения «Разговор» с лермонтовским героем и миром. Об этом одним из первых чётко заговорил известный русский критик К. Аксаков в рецензии 1845 г. на стихотворение И. Тургенева «Разговор»¹⁸. Аналогично ему В. Белинский в том же 1845 г., в небольшой критической заметке, посвященной «Параше» и «Разговору», в самом начале декларирует: «Произведения г. Тургенева резко отделяются от произведений других русских поэтов в настоящее время. Крепкий, энергический и простой стих, выработанный в школе Лермонтова, и в то же время стих роскошный и поэтический, составляет не единственное достоинство произведений г. Тургенева: в них всегда есть мысль, ознаменованная печатью действительности и современности, и, как мысль даровитой природы, всегда оригинальная. <...> Содержание поэмы просто до того, что рецензенту нечего и пересказывать. Это – разговор между старым отшельником, который и на краю могилы все еще живет воспоминанием о своей прошлой жизни, так полно, так могущественно прожитой, – и молодым человеком, который везде и во всем ищет жизни и нигде, ни в чем не находит ее, отравляемый, мучимый каким-то неопределенным чувством внутренней пустоты, тайного недовольства собою и жизнью» (курсив наш – Э.Ш.)¹⁹. Для В. Белинского, как и К. Аксакова, критиков разных по своим идейным взглядам и подходу к словесности, общественно-литературному процессу в целом, однозначно и одновременно существенными оказываются два момента при обсуждении небольшого произведения И. Тургенева. Это его близость, внутренняя соотнесенность, преемственность с лермонтовским миром, а так же последовательное и скрупулезное выделение и описание сюжета, который фактически в дальнейшем получит определение «онегинский» или мотива «русский человек на *rendez-vous*». Если учесть, что обе рецензии очень невелики по объёму, основную их часть занимает цитирование тургеневского «Разговора», то особо значим тот момент, что «пушкинское» начало

¹⁸ См. об этом подробнее: Шестакова Э.Г. Особенности формирования мотива русский человек на *rendez-vous* в русской критике второй половины XIX столетия // Русистика: сборник научных трудов. Выпуск 12. – К.: ВПЦ «Київський університет», 2012. С. 54–66. Электронный ресурс [Режим доступа] <http://uaipryal.com.ua/wp-content/uploads/2013/01/RUSISTIKA-12.pdf>.

¹⁹ Белинский В.Г. Собрание сочинений: в 9 т. Т. 7. Статьи, рецензии и заметки, декабрь 1843 – август 1845. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://az.lib.ru/b/belinskij_w_g/text_3530.shtml.

критиками не вспоминается и даже не даётся в качестве аллюзий, реминисценций. Особенности мировосприятия и поведения героя «Разговора», его отношения к любимой женщине и любви актуализируются только «лермонтовским» началом, которое оказывается доминирующим в общей организации и тональности тургеневского произведения. Однако именно этот момент, уловленный и зафиксированный еще в середине XIX ст., и остался вне поля зрения и критики, и литературоведения, которые в дальнейшем включили лермонтовского героя и собственно Печорина в галерею онегинского типа героев, таким образом локализовав более сложное и объёмное по своей сути явление «однолинейным» видением и развитием. По непонятым, именно с точки зрения, поэтики, собственно литературного процесса, а также словесно-культурного пространства, но вполне предопределённым общественно-литературным, историко-культурным причинам «лермонтовское» было лишено самостоятельности, самоценности в становлении и истории мотива *русский человек на rendez-vous*, в результате чего он утратил смысловую полноту и целостность.

Во-вторых, концептуальная важность в целом «пушкинского» для всего мира, точнее даже, философско-мировоззренческих и философско-поэтических начал тургеневского мира. Дм. Мережковский в статье «Тургенев» (1909 г.) из сборника «Вечные спутники», стремясь показать живую душу героев своих эссе, так сформулировал суть взаимосвязи двух художников: «...Тургенев едва ли не единственный, после Пушкина, *гений меры* и, следовательно, гений культуры. Ибо что такое культура, как не *измерение*, накопление и сохранение ценностей? <...> Тургенев – поэт красоты и влюбленности. <...> Тургенев – такой же истинно русский человек, как Петр и Пушкин. <...> Пушкин дал русскую меру всему европейскому; Тургенев дает всему русскому европейскую меру» (курсив автора – Э.Ш.)²⁰. Дм. Мережковский, как художник новой культурной эпохи, чётко формулирует то, что наиболее сближает в рамках большой не только мировидческой, но словесно-культурной проблемы мира Пушкина и Тургенева. Основой для такого соотношения выступает понятие *меры*, чуткости и такта в её воплощении в художественном произведении. Не случайно, Дм. Мережковский в эссе понятия *гений меры* и *измерение* выделит особым шрифтом, пытаясь акцентировать внимание на важности одновременно внутренней сращенности критериев и пределов (то, что входит в семантический объём слова и понятия «мера») в видении, оформлении

²⁰ Мережковский Д.С. Эстетика и критика: в 2 т. – М.: Искусство, Харьков: СП «Фолио», 1994. Т. 1. С. 431, 439.

и осуществлении ценностей культуры, куда, безусловно, входят красота и любовь. А если быть ещё точнее, по Дм. Мережковскому, для мира Тургенева – влюблённость.

Однако этот аспект, который так и не актуализировался относительно мотива *русский человек на rendez-vous*, в своих основаниях, в первую очередь, во многом обнаруживает и максимально обнажает проблему меры и ценностей культуры, когда жестко и целенаправленно проверяет своих героев незбылемыми культурными константами: Любовь, Красота, Судьба, Случайность, Дом, Семья, Я. Человек в ситуации *rendez-vous* – это человек в ситуации именно экзистенциально-культурного выбора собственного я и предельно личностной экзистенциально-культурной же ответственности за совершенный им выбор. По сути, здесь максимально проявляются коллизии и парадоксы кантовского категорического императива, для которого важно «не содержание поступка и не того, что из него должно следовать»²¹, а свободная, незаданная и заранее не ограниченная, не предопределенная чем-либо воля я, его стремления, желания свободы и суверенности, внутреннего личностного самоопределения и личностно неотчуждаемого выбора. Здесь внутренне сложным образом переплетается и осуществляется идея предела человеческой воли, знания, желания и, казалось бы, тривиальной ситуации *rendez-vous*, которая обнаруживает одновременно и условность, относительность этих пределов, и значимость мира за ними и после них. При этом культурно значимые константы, выбранные или же отвергнутые русским человеком на *rendez-vous*, в любом случае оказываются принятыми и пережитыми в их онтологической глубине и личностной экзистенциальной причастности, о чём свидетельствует и повышенная рефлексия героев. Мера ценностей – это также и умение не принять то, что даровано Роком, но не может быть вмещено в жизнь и чувства обыкновенного человека, который ценой отказа и страданий способен защититься от этого всеразрушающего дара и оградить других. Под таким углом зрения мотив *русский человек на rendez-vous*, ставший национально-культурным символом, одним из важнейших знаков русского словесно-культурного самосознания, – это проявленная, воплощенная, закреплённая и развиваемая офомленность этой меры измерения, накопления и сохранения ценностей. Именно «пушкинское», а не только «онегинское», запечатлённое в мотиве *русский человек на rendez-vous*, позволяет ему в различные словесно-культурные и общественно-литературные эпохи быть неким хранителем той меры ценностей, которые действительно значимы для русской словесности.

²¹ Кант И. Сочинения: в 4 т. – М.: Мысль, 1965. Т. 4. Ч. 1. С. 254.

Идею Дм. Мережковского о Пушкине как гении меры, поддержал и В. Розанов в небольшой статье «Пушкин и Лермонтов», которая была опубликована в 1914 г. в «Новом времени» и до 1990 г. не перепечатывалась²². Начинается эта статья, фактически философское эссе, так: «Пушкин есть поэт мирового «лада», – ладности, гармонии, согласия и счастья. Это закономернейший из всех закономерных поэтов и мыслителей, и, можно сказать, глава мирового охранения. Разумеется – в переносном и обширном смысле, в символическом и философском смысле».²³ В этом выводе не было бы ничего неожиданного, с точки зрения восприятия русской критикой и литературоведением Пушкина, и об этой статье не стоило бы специально говорить в контексте проблематики нашей статьи, если бы ни один значимый момент, через актуализацию которого обнаруживается и обнажается ценность и ведущая роль «лермонтовского» в мотиве *русский человек на rendez-vous*. То, что В. Розанов небрежно, почти публицистически-фамильярным стилем со-противопоставил Пушкина и Лермонтова, постоянно и целенаправленно актуализируя это относительно общей основы (русской литературы и русского мировоззрения, мировосприятия в целом) во многом обнажает и сущность явления *русского человек на rendez-vous*. После замечаний К. Аксакова, В. Белинского и особенно В. Розанова оно принципиально не должно было рассматриваться в контексте и перспективе «однолинейного» и однонаправленного «онегинского» типа героя и ситуации, а прийти, «вспомнить» о своей словесно-культурной полноте и целостности. Однако этого не произошло, рассуждения критика и в начале XX ст., как перед этим в середине XIX в. и идеи русских ведущих критиков, остались «неуслышанными», а мотив *русский человек на rendez-vous* так и продолжает восприниматься вне полноты и генетической памяти русского словесно-культурного пространства и процесса.

Итак, размышляя о том, что «литература наша может быть счастливее всех литератур, именно *гармоничнее* их всех, потому что в ней единственно “лад” выразился столько же удачно и полно, так же окончательно и возвышенно, как и «разлад»: и через это, в двух элементах своих, она до некоторой степени разрешает проблему космического *движения*. “Как может быть *перемена*”, “каким образом перемена *есть*”...”²⁴ (курсив

²² *Пушкин* в русской философской критике: Конец XIX – первая половина XX в. – М.: Книга, 1990. С. 484.

²³ *Розанов В.* Пушкин и Лермонтов // Пушкин в русской философской критике: Конец XIX – первая половина XX в. – М.: Книга, 1990. С. 191.

²⁴ Там же. С. 192.

автора – Э.Ш.), В. Розанов обосновывает субстанциальное различие, но не разрыв, между Пушкиным и Лермонтовым. Это эскизно очерченное различие обнаруживает и своеобразно, но точно аргументирует сущность мотива *русский человек на rendez-vous* как явления, которое должно скорее соотноситься с «лермонтовским», нежели «пушкинским» началом: «Лермонтов никуда не приходит, а только уходит... Вы его вечно увидите «со спины». Какую бы вы ему «гармонию» ни дали, какой бы вы ему «рай» ни насадили, – вы видите, что он берется «за скобку двери»... «Прощайте! ухожу!» – сущность всей поэзии Лермонтова. Ничего, кроме этого. А этим полно все. «Разлад», «не хочется», «отвращение» – вот все, что он «пел». «Да чего не хочется, – хоть назови»... Не называет, сбивается: не умеет сам уловить. «Не хочется, и шабаш», – в этой неопределенности и неуловимости и скрывается вся его неизмеримая обширность. Столь же безграничная, как «лад» Пушкина. Пушкину и в тюрьме было бы хорошо. Лермонтову и в раю было бы скверно»²⁵. При этом необходимо обратить внимание на то, что В. Розанов говорит обо всём мире Лермонтова, равно как и Пушкина, а не об их отдельных героях, ситуациях и мотивах. Если исходить из такой трактовки «пушкинского» и «лермонтовского», то становится очевидным, что сюжетная организация, основная коллизия и константные характеристики поступков и мироощущения героев *русского человека на rendez-vous* соответствуют некоему глубинному экзистенциальному «разладу» русской литературы, представленному, по мысли В. Розанова, Лермонтовым. Действительно, все герои мотива *русский человек на rendez-vous* находятся в состоянии постоянного и вечного ухода, некоего экзистенциального пути, блуждания и неопределённости, когда пытаются, хотя зачастую и неудачно, объяснить, «почему мир «вскочил и убежал»...»²⁶. Мотив *русский человек на rendez-vous* – это мотив вечного скитания и изгойства, на которые человек обрекает себя сам, не понимая до конца сущности происходящих с ним и в нём перемен, но ощущая их неизбежность и изначальноную предопределённость. Это мотив не столько эгоистов, слабых и лишних людей, не понявших, не воспринявших судьбоносность встречи с Любовью, Роком и собственной Жизнью, сколько мотив вечных странников, неотвратимо создающих судьбоносные ситуации и неизлечимо больных памятью о них, живущих именно этой болезнью. Отсюда следует повышенная значимость рефлексии, ухода, постоянного, ценностно определяющего всё отказа от мира, от обычной жизни во имя переживания и

²⁵ Розанов В. Пушкин и Лермонтов. С. 192–193.

²⁶ Там же. С. 192.

постоянного, обречённого «перепереживания» (Р. Грюбель) одного события, и, главное, своего погружения и путешествия по этому «перепереживанию». Герои *русского человека на rendez-vous* изначально знают, что обречены на уход из того мира, который открывается за пределами, или точнее, после пределов *rendez-vous*, но также изначально не могут не пройти, не пережить полноту этой ситуации, постоянно актуализируя её состоянием, чувством разрыва, ухода, невозможности. Кроме того, это мотив Пути, который либо дарует людям возможность движения вперёд, либо обрекает на вечное движение по самодовлеющим поступкам и «перепереживаниям» я.

Примечательно, что аналогичную трактовку лермонтовского мира, как мира, основанного и живущего уходом, экзистенциальным разладом, памятью об одном событии предложил известный русский литературовед Л. Пумпянский в работе 1922 г. «Лермонтов», впервые опубликованной в 2000 году. Это был цикл или курс лекций для «Летнего курса Тенишевского училища», представляющий собою «редкое единство анализа тематики и поэтики»²⁷. Осуществляется это исследование посредством постоянного и целенаправленного сопоставления лермонтовской поэтики с пушкинской, русских романтиков, с одной стороны, с другой – английской, преимущественно, байроновской поэтиками. Л. Пумпянский уже в первой небольшой главке, посвященной ранним поэмам Лермонтова, очень тонко замечает: «...Лермонтову нужен кто-то, кто остался бы, чтобы *помнить* навеки о свершившемся. В «Евгении Онегине так было бы, если «Путешествие»» было действительно последнею главой. Если продолжить такой тип соотношения жизни и события, то вся земная жизнь стала бы осложнением развития единой вечной души. Да, тема предсуществования и памяти его есть главная тема личности Лермонтова» (курсив автора – Э.Ш.)²⁸. Это и составит, по мысли чуткого и профессионально тонкого литературоведа, ядро лермонтовского мира. Затем, анализируя «Корсара», «Шильонского узника», «Мцыри», «Вечного жида», «Выхожу один я...», «Преступника», «Два брата», «Две невольницы», «Джюлио», «Маскарад», «Сашку», «Героя нашего времени» и почти весь корпус поэзии, постоянно удивляясь обилию английских мотивов, Л. Пумпянский делает несколько значимых для лермонтовского мира выводов, которые значимы и для понимания сущности мотива *русский человек на rendez-vous*.

²⁷ Пумпянский Л.В. Классическая традиция: Собрание трудов по истории русской литературы. – М.: Языки культуры, 2000. С. 824, 827.

²⁸ Там же. С. 600.

Первый из выводов касается основ поведения и мировосприятия героя, который, как правило, у Лермонтова становится «...памятником достойного памяти: случившегося. Он исполнил свою жизнь, с ним случилось. <...> Бесконечная памятьливость бесконечной личности. Бесконечный эгоизм личности, не отдающей ни одного события сюжетному миру, держащей все события за собою. <...> Русская поэтика изменится коренным образом; всё, *значащее* для личности (вечной) становится её миром <...> весь мир становится событием моей жизни... <...> поэтика образов уже с 1828 г.... поражает совершенной новизной <...> это неравновесие элементов связано с равнодушием к сюжетности и перенесением интереса на бесконечную личность и бесконечное содержательное событие... <...> громадный материал вспоминаемого, духовная памятьливость. Такая необыкновенная память говорит о душе, осуждённой жить только собою, в себе, без антропологического содружества» (курсив автора – Э.Ш.)²⁹.

Второй вывод обосновывает сущность, статус события в жизни и мире личности, а также их словесно-культурные истоки, что особо значимо: «...линия жизни входит вдруг в свет события, чтобы потом погрузиться опять в незначительность: вечность освещена мгновением происшествия; снова рассказ о поразительном, что единожды прорезает жизнь – навсегда; после – доживают жизнь. Вся поэтика нова и восходит, скорее к англ<ийским>, герм<анским> <образам> и Жуковско-му, чем к Пушкину...»³⁰.

Третий указывает на важную, с точки зрения поэтики, литературную близость, истоки лермонтовских героев, специфических типов и моделей их поведения, выстраивания сюжета и отдельных ситуаций: «...у Пушкина сердечный роман мог быть прерван ничтожеством героя, обманом, бегством его; здесь же он прерван тем, что любовь есть не сюжет, а главное событие, оборот стремящейся вперёд линии. <...> Бесконечность жизни – внутренняя бесконечность *одного*, события в *центре* её. Байрон? да, но вернее, – Агасвер. <...> Тоска ожидающей женщины становится грустью ожидающей природы. <...> вечная тема русской поэзии: ожидающая женщина – нашла русское же осуществление; только теперь становится понятно, что русская трагедия не сложилась у Пушкина потому, что лишь в сверхчеловечестве может быть досказана тема русской культуры. Россия – через поэзию Лермонтова – открывает новые пути человечеству; через Пушкина исчер-

²⁹ Пумпянский Л.В. Классическая традиция: Собрание трудов по истории русской литературы. – М.: Языки культуры, 2000. С. 600, 601, 604, 605.

³⁰ Там же. С. 601.

пывающе объясняет *всю* прошлую историю человечества» (курсив автора – Э.Ш.)³¹.

Если, не вдаваясь в споры по поводу отдельных идей и замечаний Л. Пумпянского, посмотреть в целом на поэтику мотива *русский человек на rendez-vous* в перспективе именно ведущих тезисов о художественном мире Лермонтова, то можно сделать несколько выводов. Их идейно-методологическая основа заключается в том, что для мотива *русский человек на rendez-vous* изначально и равноценно значимо «лермонтовское», не менее чем «пушкинское». Это вкратце можно обосновать следующими положениями.

Во-первых, мотив *русский человек на rendez-vous* – это своеобразное беспрестанное препарирование одного события памятью, точнее именно духовной памятливостью, что проявляется через страдания, нравственные муки, возможность перерождение героя. Для *русского человека на rendez-vous* определяющей всё является «памятующая личность»³², как определил её Л. Пумпянский для поэтики Лермонтова. Именно памятующая личность составляет ценностный стержень этого мотива, без которого *русский человек на rendez-vous* был бы всего лишь одним из вариантов, пусть и повторяющегося, репрезентативного, но вполне традиционного любовного сюжета и не стал бы национально-культурным символом, воплощенной в словесно-культурной форме мерой красоты и влюбленности. Память и памятующая личность – это возможность ощущать, осмысливать и даже признавать значимость, в принципе, ненужной и слишком банальной жизни. Памятующая личность – это ещё и такой ценностно определяющий способ «перепереживания» жизни, я, когда вся тяжесть памяти и события, охраняемого, питаемого этой памятью, оказывается смещенной в пространство не только безрассудно упущенного (пушкинское *а счастье было так возможно...*), но и сознательно, ответственно отпущенного (лермонтовское *желаю, чтоб воспоминанье в чужих людях, в чужой стране не принесло тебе страданье при сожаленье обо мне...*).

Во-вторых, событие *rendez-vous* делают жизнь, по своей сути, случившейся и исчерпанной, но в то же время наполняют её особым, экзистенциально значимым смыслом и целью. Событие и я взаимосвязаны таким образом, что единожды случившееся и предопределившее всю остальную жизнь, заключается в границах сложного единства, где

³¹ Пумпянский Л.В. Классическая традиция: Собрание трудов по истории русской литературы. – М.: Языки культуры, 2000. С. 602, 625.

³² Там же. С.600.

есть пространство переживания, но нет времени. О лермонтовских героях Л. Пумпянский скажет жестко и чётко: «...вся ткань жизни есть только территория блуждания души...»³³. Мотив *русский человек на rendez-vous* даже в своих самых запутанных и неожиданных трансформациях, обнаруживает такого рода блуждание в качестве константы, когда жизнь, пронзённая событием, оборачивается возможностью экзистенциальных обретений. Герои, пережившие *rendez-vous*, никогда уже не выходят за пределы этого события, они осуществляют себя на его, постоянно разверзающихся границах, как бы потом ни сложилась их жизнь. При этом один, как правило, мужчина, остаётся внутри пережитого, но принципиально не завершённого события, чтобы помнить, блуждать душой, а героиня проживает предельно обыкновенную жизнь, однако будучи внутренне привязанной к событию *rendez-vous*. Отсюда момент ухода, бегства, разрыва как попытки преодоления довлеющего и единообразного пространства – мучительного и неразрешимого состояния любви, влюблённости. Это, может быть, уход как отъезд или же как принятие традиционного уклада жизни со всеми его атрибутами и аспектами жизни. Но в любом случае, жизнь перемещается внутрь уже свершившегося, ни в чём непоправимого события.

В-третьих, особый статус женщины – героини, который возможно увидеть, перенеся ценностный акцент с переживаний и «перепереживаний» героя на неё. Если с точки зрения «пушкинского» начала, статус героини определяется двумя моментами: сильная, заслужившая и обретшая обыкновенное человеческое счастье, то его актуализация «лермонтовским» обнаруживает, по принципу дополнительности, иные смыслы. Это не только ждущая счастья женщина, не получившая возможности полноты своей реализации, но во многом ограниченная и кардинально перенаправленная в своей жизни и стремлениях событием *rendez-vous*, но не отказавшаяся от него. Героиня тоже живёт в пределах этого единственного смыслоопределяющего события жизни, насколько бы удачно, с точки зрения, общепринятых представлений ни сложилась её судьба. Отсюда идёт в мотиве *русский человек на rendez-vous* стремление отграничить героиню от переживаний, сделать её «безгласой», молчаливо присутствующей в дальнейшей жизни. Её образ осуществляется между двумя полюсами: утверждения её неизбежного тривиального счастья или, по крайней мере, благополучия и невозможностью признания, что *воспоминанье в чужих людях, в чужой стране* действительно не принесло ей *страданье при сожаленье о*

³³ Пумпянский Л.В. Классическая традиция: Собрание трудов по истории русской литературы. – М.: Языки культуры, 2000. С. 605.

нём. Такого рода осуществление становится возможным еще и благодаря особой роли природы (кстати, об этом писали Л. Пумпянский, В. Тюпа) и вещного мира, которые смещают и совмещают в себе и через себя экзистенциально значимые акценты.

В-четвёртых, поэтика мотива *русский человек на rendez-vous* восходит не только к сугубо русской словесно-культурной, литературно-общественной ситуации, но и европейской, в частности английской, поэтике. Здесь особо проявляется то, что И. Роднянская в рецензии на книгу С. Бочарова «Филологические сюжеты» определит следующим образом: «“Это действие в литературе внутренней силы, еще загадочной для теории творчества <...> нечто вроде сверхпамяти”, “генетической литературной памяти”, сближаемой исследователем с платоновским анамнезисом. <...> Это ощущение единого метаорганизма культуры, национальной, как и общеевропейской, ее кровеносной системы, которая через десятилетия, а то и века переносит некие “логосы” и “гештальты” от одного творческого сознания к другому, – что по философской сути противоположно как “позитивной” компаративистике, так и модным операциям с “интертекстуальностью”»³⁴.

Если подвести некий общий итог, то необходимо отметить, что исследование словесно-культурных напластований в мотиве *русский человек на rendez-vous* необходимо осуществлять в контексте проблемы творческой памяти и саморазвития поэтических явлений. При этом анализ критических и литературоведческих работ, посвященных как непосредственно *русскому человеку на rendez-vous*, так и общепоэтическим, общественно-литературным проблемам, под углом зрения последовательного исследования этого явления даёт основания для следующих выводов. Устоявшаяся и преобладающая актуализация *русского человека на rendez-vous* традиционно принятым онегинским сюжетом и типом героя приводит к сужению, а также художественно-поэтической, общественно-культурной и эстетической локализации сложного, объёмного, полисемантического и поливероятностного уже в своих субстанциальных основах явления. Высказанные в русской критике и литературоведении идеи о сущности «лермонтовского» и их экстраполяция на природу, специфику осуществления и развития мотива *русский человек на rendez-vous*, к сожалению, так и остались не услышанными, невольно запустив механизм обеднения и «однонаправленного» толкования механизмов творческой памяти. Многие открытия и предчувствия уже русской критики середины XIX ст., на-

³⁴ Роднянская И. Книжная полка Ирины Роднянской // Новый мир. – 2006. – № 6. Электронный ресурс. [Режим доступа] http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2007/6/kn18.html.

шедшие своеобразное воплощение в критике и литературе XIX–XX вв., не нашли «поддержки» в литературоведении, стремящемся развивать «онегинское», реже «пушкинское» в знаковом мотиве. При этом важно акцентировать и то, что «пушкинское» и «лермонтовское» принципиально нельзя разграничивать или же жестко противопоставлять при исследовании мотива *русский человек на rendez-vous*, здесь уместно говорить о принципах дополнительности и со-противопоставительности.